

1
Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА
СССР
имени
В. И. ЛЕНИНА
МУРЗИЛКА
N6
Журнал ЦК ВЛКСМ
для школьников младших
классов
ИЮНЬ
1955

ЮРИЙ ЯКОВЛЕВ

Рис. Ю. КОРОВИНА

Здесь под небом ясным
Наш Артек любимый,
Словно галстук красный
На груди у Крыма.

У САМОГО СИНЕГО МОРЯ

У самого синего моря,
Которое Чёрным зовут,
На склоне высокого взгорья
В Крыму пионеры живут.

Чтоб дети в Крыму не скучали,
Свой дом вспоминая вдали,
Чтоб чаще знакомых встречали,
На взгорье деревья пришли.

Они в уголке отдалённом
Всё шепчут о крае родном,
В привычном наряде зелёном,
Как дома, стоят под окном.

Здесь пихта Карелии снежной
Лесную прохладу хранит.
Она северянина нежно
От зноя собой заслонит.

Чтоб киевский хлопчик под вечер
Грустить бы не начал вдали,
Как в Киеве, белые свечи
На ветках каштаны зажгли.

Ждёт лавр паренька кахетинца,
Что кружится в танце волчком,
И кедр поделился гостинцем
С алтайским своим землячком.

Хоть жарко листве с непривычки,
Но липа и здесь зацвела,
Как будто проведать москвичку
С Тверского бульвара пришла.

Здесь в парке любые породы.
Здесь пальма — подруга сосне.
Так крепко сроднились народы
В моей дружелюбной стране.

КОЛЯ-СИНЕГЛАЗ

Он с утра спешит зайчат проведать.
Возле них хлопочет он все дни.
Перед тем, как самому обедать,
Вспоминает: сыты ли они?

Как футбольный мяч, кочан капусты
Он несёт подмышкой каждый раз.
Заболеет заяц — ходит грустный
По Артеку Коля-Синеглаз.

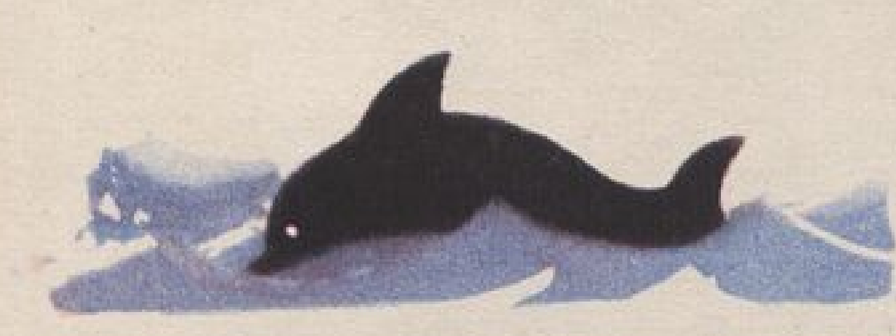
Но никто сейчас не замечает,
Как, прижав зайчонка, Синеглаз
Долго-долго корабли встречает,
С моря не спуская синих глаз.

Он стоит на мокрой гальке жёсткой,
Руку приложив, как козырёк.
За спиной, как воротник матросский,
Галстука пурпурный уголок.

И друзьям бы показалось странным,
Что в душе он истинный моряк,
Что мечтает стать он капитаном,
А зайчат он любит... просто так.

СОЛЕНАЯ ВОДА

Солёная вода,
Солёная вода.
Лазурная,
Зелёная,
Стальная —
Как когда.

Волна дугой согнулась,
Упруга и сильна,
Споткнулась,
Растянулась
У берега волна.
Солёная она.

На гальке раскалённой,
Где пенится прибой,
Не раз к воде солёной
Сбегали мы с тобой.

Пусть брызги серебрятся,
Стекая по лицу,
На ней легко держаться
И слабому пловцу.

Кто крепко дружит с нею,
Тому не страшен жар,
У тех тела сильнее,
Коричневей загар.

И песенку в Артеке
Поют о ней всегда:
Любимая навеки
Солёная вода!

И вот уже проститься
Пришёл печальный срок.
Жаль, море не вместится
В стеклянный пузырёк.

Хоть места в них немного,
Бутылки все полны.
Возьмём с собой в дорогу
Хоть краешек волны.

Солёная вода,
Солёная вода.
Лазурная,
Зелёная,
Стальная —
Как когда.

Анна Малинская — чешская писательница. Она живёт в Праге и пишет книги для маленьких детей. Дети Чехословакии любят её книжки про детский сад, про мальчика Адамека и про то, как дети попали в город и что они там видели. В Москве, в Издательстве детской литературы, скоро выйдет одна из книг Анны Малинской, переведённая на русский язык.

Книга эта называется „Адамек уже не маленький". В этом номере нашего журнала печатается рассказ о том, как мальчик Адамек научился убирать игрушки.

КТО ЖЕ УБИРАЕТ ИГРУШКИ?

АННА МАЛИНСКАЯ

Рис. Е. АФАНАСЬЕВОЙ

Как вы думаете, кто убирает игрушки, когда вечером вы ложитесь спать, а всё остаётся разбросанным на полу?

Вы думаете, это делает мама, бабушка или тётя?

Адамек так не думает. Ведь у мамы совсем мало времени, ей некогда убирать игрушки.

Не раз говорила она об этом Адамеку.

Но удивительное дело! Всякий раз получается так: Адамек ложится спать — игрушки остаются разбросанными по всей комнате; а утром просыпается Адамек — и все они снова на месте, в картонной коробке. Кто же их убирает?

«Убирает их вовсе не мама, — думает Адамек. — Делает это малюсенький человечек, который живёт в книге сказок. Днём его не увидеть. Трудится он по ночам, когда я сплю. Тут-то у него и начинается работа! Наверное, всю ночь он ползает по полу, работает, старается. То соберёт разноцветные шарики и сложит их в коробку для игрушек, то подкатит к коробке большой полосатый мяч, то начнёт один к одному складывать кубики. Работает этот человечек до самого рас-

света, а утром игрушки на месте, и я снова могу в них играть».

Один раз вечером мама сказала:

— Как хочешь, Адамек! У меня сегодня нет времени, сам убери игрушки...

«Не буду я убирать игрушки, — подумал Адамек, — мой малюсенький человечек их уберёт...»

Адамек спокойно лёг спать.

Доброе утро! Адамек проснулся и первым делом к игрушкам. А коробка-то пустая! Ничего в ней нет — ни кубиков, ни шариков, ни нового грузовика...

Что делать? Адамеку хочется в шарики поиграть. Ползал он, ползал, собирая на полу шарики, и только к вечеру отыскал последний.

«Вот, — подумал Адамек, — целый день я искал свои игрушки, а играть было некогда...»

На следующий день Адамек решил поиграть в новый грузовик. Принялся Адамек искать: под стол заглянул, под стулья заглянул, под шкаф заглянул — нигде нет! Только вечером нашёлся грузовик под кроватью.

«Вот, — подумал Адамек, — уже нужно итти спать. А поиграть с грузовиком мне не пришлось...»

А на третий день Адамек принялся искать свой красивый полосатый мяч. В садике искал, возле цветочных грядок искал — нет мяча! А вечером, когда у Адамека руки и ноги совсем устали, мяч сам нашёлся. Под столом лежал!

Теперь Адамек больше не надеется на маленького человечка. Вечером сам убирает игрушки в картонную коробку.

Иногда ему помогает и мама.

Перевели Л. Зорина и С. Могилевская

Сторожевые колокольчики

НИКОЛАЙ СЛАДКОВ

Рис. Г. ДМИТРИЕВОЙ

Я шёл безымённой тропой.

Солнце выжгло предгорья. А давно ли была тут зелень и ярким лиловым цветом цвёл колючий бурьян!

Сейчас над выжженной землёй нависла раскалённая белая мгла.

Всё обманчиво в этой белесой мгле. Кустик травы вдруг шевельнётся да и обернётся лисичкой, поджарой и быстрой. Колючий бурьян выше пояса, а тронешь — и бурьян бесшумно рассыплется в прах. То видишь озеро, по озеру торопятся беспокойные волны. Ствол одинокого деревца извивается в жарком мареве, будто не деревце это, а его отражение в неспокойной воде.

Но воды тут нет. Всё сгорело: трава, бурьян, даже цепкие и живучие кусты держи-дерева. Вокруг камень, пыль.

Но что это? За каменистым гребешком целые заросли высоких белых цветов. Цветы такие свежие и яркие, что кажется, пахнут.

Прикрыв ладонью глаза от нестерпимого блеска солнца, я молча смотрю на них. На дальнем краю цветочной поляны вдруг звякнул колокольчик. Ему ответил другой. Вот опять...

Звяканье всё ближе. А впереди этого ползущего к нам глухого, непонятного звона один за другим выпархивают хохлатые жаворонки. С испуганным посвистом вырываются они из белых цветов. Вслед за жаворонками, заложив уши за спину, шарахнулись из цветов два обезумевших от страха зайчонка и скрылись в степи. Ишь, сколько их собралось сюда, в цветы! Видно, в голой-то степи не по вкусу.

А звон всё ближе. И совсем он не страшный: тихий, ласковый и какой-то глухой — костяной. И чего так зайчата и птицы шарахаются от него?

Звон совсем близко, у самого края цветов. Вот дрогнули цветы, и звон оборвался. Из зарослей медленно вытянулось толстое тело серой змеи.

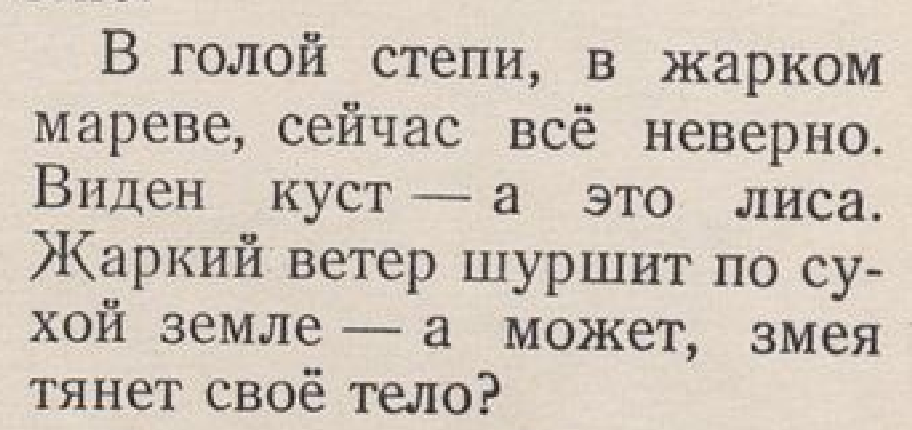
Гюрза! Страшная закавказская гадюка.

Гюрза потянулась вверх, подняла голову выше цветов и стала смотреть в ту сторону, куда улетели жаворонки и ускакали зайчата.

Я шевельнулся. Змея медленно повернула голову в мою сторону, облизала сухие чешуйчатые губы раздвоённым языком и уползла обратно в бурьян. И опять я услы-

шал — теперь удаляющийся — звон, будто цветы были костяные, а их сталкивала друг с другом быстрая струйка ветра. Как зачарованный слушал я этот непонятный звон.

Опомнился я только тогда, когда звон стих — там, на дальнем конце лощины. Только после этого спустился я к необыкновенным цветам.

Цветы и вправду оказались необыкновенными. Высокие стебли засохшей травы были облеплены ракушками. Тысячи улиток с белыми раковинками вползли на них, приклеились и повисли белыми гирляндами. От жары они впали в летнюю спячку.

Тронешь цветок — ракушки ударятся друг о друга и звякнут. Ползла гюрза, задевала сухие стебли, и над ней звякали костяные колокольчики. Звенели нестрашно, глухо, но зайчата и птицы знали: страшный приближается враг.

Всё стало ясно.

В голой степи, в жарком мареве, сейчас всё неверно. Виден куст — а это лиса. Жаркий ветер шуршит по сухой земле — а может, змея тянет своё тело?

Зайцы с ног сбились: спят с открытыми глазами. Жаворонки на землю боятся присесть. Вот и собрались сюда, в сухой бурьян, увешанный белыми ракушками. Тут уж никто неслышно к ним не подберётся. Тут без обмана: только хищник спустится в лощину — тотчас зазвонят сторожевые колокольчики!

Улетайте, жаворонки! Удирайте, зайчата! Враг рядом!

З. ТЕЛЕСИН

Рис. В. КАРПОВА

ЦЫПЛЯТА

Под наседкой в решете,
В темноте и тесноте
Вывелись цыплятки.
Их в обиду не даёт,
Всех обидчиков клюёт
Курица-хохлатка.
Двадцать дней хохлатка та
Не слезала с решета,
А на двадцать первый день,
Точно из пелёнок,
Выглянул из скорлупы
Первенец-цыплёнок.
Я с буфета взял яйцо,
Сунул в сено под крыльцо.
Еле курицу поймал,
Чуть подсолнух не сломал.
Мне сердитая попалась:
Била крыльями, клевалась.
— Ты, пеструшка, не сердись,
Поудобнее садись.
Посиди тихонечко,
Выведи цыплёночка...—
Но она рванулась вдруг
Да как выскочит из рук!
Ничего, я знаю дом, —
Он в лесочке за прудом.
Там выводят, говорят,
Сразу тысячу цыплят.
Хоть живут цыплята тесно,
Но в согласии живут.
Этот дом, как всем известно,
Инкубатором зовут.

Отнесу яйцо туда, —
Да!

АК-МОЙНОК

Из рассказов овцевода

О. ПЕРОВСКАЯ *Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ*

Высоко, на пологой вершине горы, стоял глинобитный домик — мазанка. В этом домике пастухи-киргизы хранили запасы зерна, соли, лекарства для овец, а также и своё продовольствие и одежду. Возле домика находилась юрта, а немного вверх по тропинке — четырехугольный двор, загон для овец. Такой двор, огороженный стеной из камней и глины, в Киргизии называют коро.

Это были зимние пастбища. С южных склонов гор ветры обычно сдувают снежный покров, и овцы на этих пригретых солнышком склонах почти в течение всей зимы находят для себя подножный корм.

Целыми днями стояла в горах тишина. Слышно было, как тонко поёт ветер, уносясь по ущелью, да гулким басом лает чабанский пёс.

Молодую лохматую овчарку, чёрную, с белыми лапами и белой шеей, звали Ак-Мойнок, что значит — «белая шея».

Каждое утро Ак-Мойнок дежурил у коро. Он не позволял ни одной овце подойти к выходу, пока не раздавался голос старика чабана:

— Айда, Ак-Мойнок! Выгоняй!

Тогда собака пропускала мимо чабана всю отару и, так же как хозяин, внимательно вглядывалась в каждую овцу. Потом она сбивала овец поплотнее, чтобы ни одна не отстала, не забежала вперёд, не уклонилась бы далеко в сторону: отбившуюся овцу могли задрать волки или она могла свалиться в щель между скалами.

Последней из юрты выходила загорелая девушка — подпасок. Она недавно поступила в отару помощницей чабана и любила поспать подольше. Пастухи, собака и овцы отправлялись из дому на целый день.

Овцы медленно двигались по косогору, не отрываясь щипали траву, а собака зорко следила за ними.

К полудню овцы успевали отлично напастись. Горное солнце пригревало. Овцы любили в этот час полежать на припёке.

Старик тоже задрёмывал где-нибудь на высоком тёплом камне, а девушка-подпасок возилась с шитьём и вместе с эхом распевала песни, разученные по радио.

Не засыпал и не отвлекался один Ак-Мойнок, как это и полагается настоящей чабанской собаке. И вот озорные овечки начинали дразнить молодого, но очень старательного и добросовестного пса.

Они опрометью пускались под кручу, запрыгивали на высокие уступы скал и потом жалобно метались и блеяли, не зная, как теперь возвратиться назад, к стаду.

Ак-Мойнок начинал волноваться. Из его горла вырывался тогда мощный басистый лай, переходивший иногда от возмущения в щенячий заливистый визг.

На закате отара возвращалась домой. Жена чабана поджидала уже пастухов с горячей похлёбкой и свежими лепёшками, поджаренными в кипящем бараньем сале.

Ак-Мойнок с чабанами загоняли отару в коро. Потом усталая собака бежала в юрту получать свой паёк и отдыхать до наступления темноты.

Ночью, когда чабаны спали, собака бегала вокруг коро, грозно рычала и бросалась в темноту при малейшем признаке тревоги.

Так протекали дни и ночи. Но однажды старик простудился. Всю ночь он стонал и метался в жару. А наутро едва смог встать с постели. Чабан знал: без его приказания Ак-Мойнок ни за что не выпустит овец из коро.

Кроме того, его заставила подняться на ноги жена. Она собиралась отвезти мужа в совхозный посёлок, в больницу.

Старик вышел и слабым голосом наказывал помощнице, что ей следует сделать. Он уверял её, что вернётся домой ещё до ночи, а если задержится, то пришлёт ей на помощь внука. Он ещё и ещё раз напомнил девушке, чтобы она обязательно разожгла поярче огонь в очаге и включила радио. И тогда ей совсем нечего бояться: волки — трусы, к огню и на голос диктора они никогда не осмелятся подойти. Они сами боятся людей, боятся треньканья бубенца на шее у козла-вожака, и вообще они боятся всех, кто только сам их не боится.

Девушка слушала и кивала головой: она поняла всё, никого она не боится, всё будет в полном порядке, а Смагул, внук дедушки, пусть, конечно, приходит, вдвоём веселее.

После этого чабан пропустил мимо себя на пастбище отару. Последним шёл заботливый Ак-Мойнок.

Потом старуха взгромоздилась верхом на шустрого горного бычка, посадила сзади себя больного и повезла его к доктору.

Девушка и собака пасли до обеда отару, как обычно. Но чуть только солнце склонилось к западу, чабанка начала трусить. Все наставления старика бригадира разом выскочили у неё из головы. Девушка приказала собаке гнать овец в коро. Она не поужинала сама, не покормила огорчённого пса. Она даже не разожгла огня в очаге, а забилась под одеяла с головой и заснула.

И волки, не чуя огня и людей, подходили к зимовке и выли.

Всю ночь храбрый Ак-Мойнок на кого-то кидался и бешено лаял.

Чуть только забрезжили первые лучики и радио сказало: «Доброе утро, товарищи!» — чабанка выбежала из юрты и с причитаниями пустилась вниз по тропинке.

Убегая, она ничего не приказала собаке.

Озадаченный Ак-Мойнок так и не понял: выпускать ему отару или не выпускать? Он стоял, растерянно повиливая хвостом, и смотрел, как чабанка, похожая сверху на муху, постепенно исчезала из его глаз.

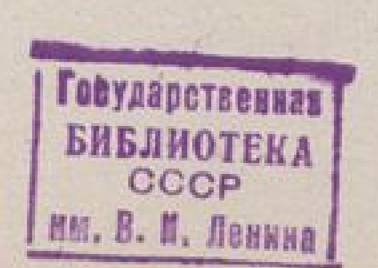
В посёлке девушка прежде всего по-

бежала в больницу. Старик был очень плох. Увидев помощницу, он ещё больше разволновался и тут же велел ей бежать в контору совхоза, рассказать там всё и немедленно возвращаться к отаре.

Овцевода совхоза, Лукьяныча, в конторе не оказалось: он объезжал другие отары. Смагул, внук бригадира, уехал делегатом на комсомольскую конференцию. И тут только девушка поняла, что наделала своим неосмотрительным поступком, и решила одна возвращаться в горы. Но было уже совсем поздно, а к ночи поднялась такая непогода, что нечего было и думать итти сегодня в горы.

На другой день её увидел Лукьяныч.

— Ты ещё здесь? А как же отара?

И, не слушая никаких объяснений, Лукьяныч «пал» (как здесь говорят) на лошадь и помчался в отару.

По самой короткой, но и самой крутой, пешеходной тропинке до зимовки было около пятнадцати километров. Под Лукьянычем была привычная горная лошадь, но и она, как ни торопил её всадник, взбиралась на этакую кручу шажком.

Стало темнеть. Из-за гор выкатилась яркая, словно медное блюдо, луна. Тени скал и камней стали чёрные, а тропинка — в лунном свете — белее, чем снег... Вдалеке слышался волчий вой.

Наконец лошадь, пофыркивая, начала выбираться на вершину горы. Вон макушка юрты, вот и мазанка. Дальше белые от луны стены коро. Вдоль стены что-то чёрное... Быстро-быстро мелькает...

— Тьфу ты, пропасть! Никак не пойму, что их тут — целый десяток, что ли? Ишь ты, как размелькались... Чудно! Лошадь от этих чёрных теней не дрожит и не пятится. Идёт смело к загону...

Лукьяныч всмотрелся и вдруг захохотал:

— Ак-Мойнок! Ах ты, умница пёс! Вот ведь фокусник, вот молодец!!

Ак-Мойнок третью ночь бессменно охранял отару от врагов.

Не видя на зимовке огня и не чуя людей, волки приблизились к жилью и завывали на разные голоса.

Но Ак-Мойнок не сробел. Он стал храбро носиться вокруг осаждённого коро. Он громко и яростно лаял, рычал и бросался. Хвост он гордо и вызывающе закрутил над спиной и всем своим видом показывал, что любого, кто сунется, он разорвёт на клочки.

Эта храбрость, конечно, была от его молодости и неопытности, но волков она сбила с толку: раз так рвётся, значит сила! Да и дикторские голоса заставляли их с опаской поглядывать на тёмную, но опасную юрту. Кто её знает! Разговаривает, как человек, а чуется, будто пустая...

Напрягая последние силы, Ак-Мойнок мелькал вокруг загона. Изредка в полном отчаянии он бросался к юрте. Он надеялся вызвать, наконец, на помощь кого-нибудь из хозяев, услышать хоть слово поддержки. Ведь силы его приходили к концу.

Ак-Мойнок стал терять голос. Вместо лая из горла его вырывался хрип и какое-то клокотанье. То и дело он спотыкался. Жажда терзала и жгла его внутренности.

Волки теснее обсели загон. Скоро храбрый защитник коро упадёт на бегу... Скоро сердце собачье не выдержит...

При звуках копыт по камням, звуках фырканья лошади и знакомого голоса овцевода Ак-Мойнок упал наземь. Он пытался подползти к своему избавителю на брюхе. Лаять он больше не мог, а только отчаянно визжал и захлёбывался. Он хотел рассказать, что он тут пережил, он и жаловался, и ликовал, и стал, словно помешанный...

Лукьяныч поднял его и торжественно, на руках внёс в юрту. Он уложил его на самое лучшее место, на кошмы и одеяла.

Вскоре в юрте затрещал огонёк. Голодные овцы заблеяли, чуя воду и корм.

Собака лежала, разомлев от восторга, только ноги у неё всё ещё дёргались, как будто она продолжала бежать...

Много времени прошло с той поры. Ак-Мойнок вырос. Сейчас это огромный, сильный и дельный пёс.

Чабаны гордятся Ак-Мойноком и очень любят рассказывать про его подвиг. А в заключение рассказа они обязательно покачают головой и добавят с улыбкой:

— Ну и пёс! До чего же геройский, отличнейший пёс!

Двадцать седьмого июня внимательно погляди на календарный листок. Видишь — надпись: „50 лет со дня начала вооружённого восстания на броненосце „Потёмкин“.

...Это было в 1905 году. По всей России измученный народ поднимался против царя, против помещиков и фабрикантов. Царь надеялся на армию, на флот. Но среди солдат и матросов тоже были революционеры. Были они и на „Потёмкине“. Руководил ими стойкий большевик Григорий Вакуленчук. Тайком от офицеров он беседовал с матросами, рассказывал им о Ленине, о революции...

— Скоро, братки, скоро... — шопотом говорил он. — Скоро весь Черноморский флот поднимется...

Начать восстание должен был броненосец „Екатерина II“. Но вышло так, что начал броненосец „Потёмкин“.

Он в это время стоял на якоре неподалёку от Одессы. На борт броненосца привезли тухлое, червивое мясо. Матросы отказались есть борщ с червями. Командир рассвирепел: нижним чинам рассуждать не положено. Он велел накинуть на группу непокорных матросов большой брезент и приказал караулу открыть по ним огонь.

Караул не решался стрелять в своих товарищей. Разъярённый командир с криком: „Я вам покажу бунтовать!“ — выхватил револьвер и направил его на матросов. Стоявший поблизости Вакуленчук кинулся к командиру, чтобы отнять у него оружие, но тот двумя выстрелами в упор смертельно ранил бесстрашного матроса-большевика.

В ответ моряки схватились за винтовки и бросились на своих мучителей-офицеров. Самых жестоких, самых злых матросский суд приговорил к немедленной казни. Остальные были арестованы. Власть на корабле перешла в руки матросов. Над „Потёмкиным“ взвился красный стяг, который Ленин назвал **знаменем свободы**.

Вакуленчука хоронил весь город. В городе тогда была забастовка. Тысячи людей провожали моряка, павшего за свободу. Повсюду слышно было:

— Долой царя-убийцу!

— Да здравствуют свобода, равенство и братство!

— Да здравствуют потёмкинцы!

Перепуганный царь послал против мятежников чуть ли не весь военный Черноморский флот. „Потёмкин“ пошёл навстречу эскадре. Потёмкинцы застыли у пушек...

Однако моряки эскадры не стали стрелять в своих братьев. Потёмкинцы ликовали. Они надеялись, что вся эскадра перейдёт на их сторону.

Но этого не случилось. „Потёмкин“ выступил слишком рано, и царские адмиралы смогли принять свои меры. Многих моряков-революционеров списали на берег, многих арестовали.

План восстания всего Черноморского флота был нарушен, и „Потёмкин“ остался один.

Но отважные моряки не сдались, не стали просить пощады у царя. „Потёмкин“ повернул в открытое море и направился к берегам Румынии. Там, на чужбине, потёмкинцы пробыли долгих двенадцать лет и вернулись на родину только в семнадцатом году, после революции.

Сегодня, когда красное **знамя свободы** реет над тысячами могучих боевых кораблей, мы вспоминаем первый морской красный стяг, поднятый „Потёмкиным“ пятьдесят лет назад, в памятном пятом году...

Броненосец „Потёмкин“ под красным флагом проходит

Рис. В. БИБИКОВА

сквозь строй военных кораблей Черноморской эскадры.

НОВОЕ ПЛАТЬЕ

Я. ТАЙЦ *Рис. Е. АФАНАСЬЕВОЙ*

1

Лида — светленькая, и синее ей к лицу. Наверное, поэтому она из всех своих платьев больше всего любила синий сарафанчик и каждый день надевала его. Маме часто приходилось его стирать. И дело кончилось тем, что темносиний сарафанчик стал голубым.

Лида сказала:

— Мама, сшей мне что-нибудь новенькое, синее.

— А сарафанчик?

— А сарафанчик уже больше не синий.

А у мамы было хорошее синее платье, только оно ей стало узко. Вот она его взяла и стала перешивать.

Платье вышло на славу. Мама поставила на плиту утюг, а Лида всё время плевала на него, чтобы он поскорей нагрелся. Утюг сердито шипел, словно хотел сказать: «Да хватит на меня плевать!»

Когда начали гладить, Лида то и дело хватала маму за руку и приговаривала:

— Тихонько! Осторожно! Сожжёшь!

Как только платье было выглажено, Лида схватила его и давай надевать. Оно ещё горячее, жжёт спину, а Лида всё натягивает его на себя. Тут уже маме пришлось приговаривать:

— Тихонько! Осторожно! Сомнёшь!

Лида подбежала к зеркалу. Неужели вон та нарядная девочка в новеньком синем платье — неужели это Лида? Лида топнула ногой — и девочка топнула ногой. Лида показала язык — и девочка показала язык. Лида церемонно поклонилась — и девочка поклонилась.

— Ну как, мама, хорошо? — спросила Лида.

И две мамы — одна в комнате, другая в зеркале — ответили:

— Очень хорошо!

— А тебе его не жалко? — спросила Лида.

— Что ты, доченька, носи на здоровье! — Мама хотела обнять Лиду, но побоялась измять обновку. — Давай мы его сейчас снимем.

— Ой, я хочу его поносить!

— Завтра, Лидочка! Завтра воскресенье, пойдём к бабушке, вот и поносишь. А сейчас — сарафанчик!

— Опять сарафанчик!—надулась Лида.

Всё-таки она сняла новое платье и повесила, только не в шкаф, а на спинку кровати, в ногах. А когда легла спать, всё время смотрела на него и думала: «Скорей бы завтра!»

2

На другой день мама встала рано, часов в шесть, видит: Лида вертится у зеркала. И, конечно, в новом платье.

— Лида, ты что так рано?

— А я уже выспалась.

— А зачем новое платье надела?

— А я хочу в нём погулять. Ты сказала — в воскресенье. А сейчас уже воскресенье.

— Ладно уж, погуляй, только смотри береги его!

— Ох, ты ещё не знаешь, как я его буду беречь!

И вот после завтрака Лида в новом платье вышла во двор. Сейчас все ребята — и Тася, и Вася, и Тома — увидят её обновку.

Ребята копались в песке. Лида подошла к ним и стала столбиком. Самая маленькая девочка, Тася, сказала:

— Лида, давай с нами печить куличики!

— Не печить, а пекти, — поправила Тома.

— И не пекти, а печь, — сказала Лида.

— Ой, что ты, Лида! — засмеялась Тася. — Печь — это просто печка. На формочку!

— А мне нельзя!

— Почему?

— Мне надо платье беречь.

Все ребята уставились на Лиду.

— Я знаю, — догадалась Тома, — это из маминого старого, да?

— А оно вовсе не старое, а просто мама из него выросла, — сказала Лида.

— А ему ничего не сделается, — сказала Тася. — Песок упадёт, и всё.

«И верно», — подумала Лида. Она взяла формочку и стала лепить куличи. Все удались, пышные, сдобные...

Но тут рядом послышалось: зззынь... зззынь...

Это дворник дядя Тимофей пилил дрова. Лида стала ему помогать. Опилки посыпались на новое платье, но это ничего — ведь опилки всё равно как песок.

Потом Лиду позвали играть в палочку-выручалочку. Она пряталась лучше всех — за углём, за дровами, под лестницей. Правда, новое платье немного запылилось. Лида стала его чистить. Но тут большой мальчик Костя — почти что дяденька — вывел за рога чёрную мотоциклетку и стал её чинить. Он разобрал её на части и дал каждому что-нибудь подержать: кому гайку, кому пружинку, кому винт... Лиде досталось что-то тяжёлое, маслянистое.

— Поршень! — с завистью сказал Вася. — Дай подержать.

— Да ну тебя! — отмахнулась Лида и крепче прижала поршень к груди.

Потом Костя всё собрал, свинтил, посадил Лиду позади себя и сказал:

— Ну-ка, держись!

Он взялся за рога, нажал на что-то ногой, и мотоциклетка вся затряслась, да как стрельнёт синим дымом, да как вынесет Костю с Лидой за ворота! Вот здорово было! Весь переулок завидовал Лиде. Она, счастливая, вернулась во двор. И вдруг она увидела рыжую кошку Аксинью. Аксинья хромала и громко мяукала. Кто-то прищемил ей лапку.

Лида взяла её к себе на колени и стала делать перевязку. Но тут послышалось:

— Лида-а...

Это мама. Лида спихнула Аксинью с колен и пошла домой. Она шла тихо-тихо, еле-еле. Когда мама открыла дверь, Лида прикрыла новое платье руками. Но мама всё равно всё увидела.

— Батюшки-светы! — сказала она. — Где ты так извозилась?

Лида подошла к зеркалу. Неужели вон та растрёпанная девочка в грязносинем платье — это Лида? Она опустила голову и стала тереть пятно на груди.

— Вот в таком виде и поедешь к бабушке! — сердито сказала мама.

— А я не хочу в таком.

— Мало ли что! Пусть она узнает, пусть!

Так и пошли.

3

И вот пришли к бабушке. Мама, конечно, ей сразу всё рассказала.

— Ты что же, внученька, обновку не сберегла? — сказала бабушка.

— А я берегла, — сказала Лида. — Я ничего не делала... Я только куличики пекла, и дрова пилила, и в пряталки играла, и мотоциклетку чинила... и Аксинью лечила... а больше я ничего не делала...

— Больше ничего? — засмеялась бабушка и потрогала Лидино платье морщинистыми пальцами. — Ну ладно, сними, я его постираю.

— Что ты, мы сами! — сказала мама.

И Лида подхватила:

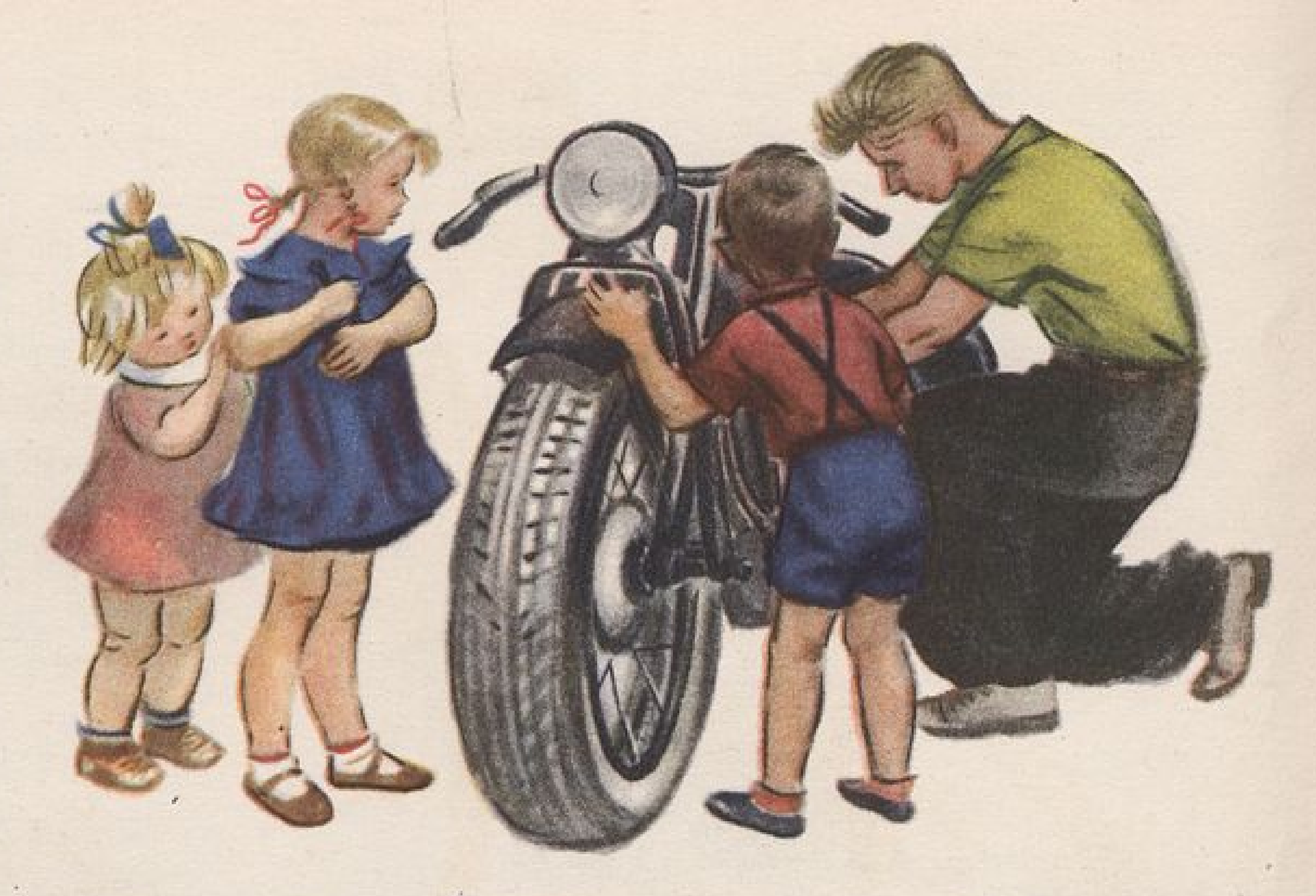
— Мы сами, сами!

Как только пришли домой, Лида с грохотом приволокла тяжёлое корыто и сказала:

— Давай стирать!

— Ладно уж, спать иди, без тебя обойдусь.

— Нет, я тоже, тоже! — настаивала Лида.

И вот они обе стали стирать. Лида, как мама всё равно, мылила, тёрла, полоскала, выжимала. От мыльной воды у неё на пальцах стали складочки.

— Мама, смотри, какие морщинки, - сказала Лида, — как у бабушки.

Мама посмотрела на Лидины пальцы и сказала:

— Спать иди!

Лида легла и всё время трогала большим пальцем свои морщинки. Так и заснула. А когда проснулась, увидела, что мама стоит у стола и гладит синее платье.

— Вставай, дочка, — весело сказала она. — Платье, как новое. Всё отстиралось. Ну как нынче: сарафанчик наденем или новое?

Лида босиком подбежала к маме, посмотрела на утюг, на мамины руки, на гладкие кончики своих пальцев и сказала:

— Давай, мама, лучше сарафанчик. А новое — в воскресенье, когда к бабушке пойдём.

Она надела голубой — бывший синий — сарафанчик и побежала во двор «печить» куличи, лечить Аксинью и чинить старую рогатую мотоциклетку...

ТРУСИШКА

По стене паук прошёл —
Вова спрятался под стол.
— Я не вылезу, пока
Не убьёте паука.

Небодливая корова
Щиплет клевер на лугу.
— Ой, уйдёмте!—плачет Вова.—
Ой, боюсь, ой, не могу!

Вове в комнате без света
Не пробыть и двух минут.
И девчонкою за это
Вову взрослые зовут.

Я спросила:
— Почему же?
Чем же мы мальчишек хуже?

Я хотя и младше Вовы,
Ничего я не боюсь.
Пусть мычат себе коровы
И шипит от злости гусь.

Я, девчонка, плачу, что ли,
Если в комнате темно?
Даже — вспомните! — от боли
Я не плакала давно.

Разве надо быть мальчишкой,
Чтобы храбрым быть во всём?

Просто Вова ваш — трусишка,
А девчонки ни при чем.

Г. МАМЛИН

ВИКТОР ВАЖДАЕВ

ХИТРЫЙ ЙА И УМНЫЙ ЙО

Сказка

Рис. О. КОРОВИНА

Послали однажды Ахмета за солью.

Взял Ахмет двух ослов-молодцов: серенького Йа и чёрненького Йо, вывел из стойла, и отправились они в путь-дорогу.

Вот они идут. Первым — Ахмет. На голове у него пёстрая тюбетейка, на ногах мягкие сапожки.

А за ним налегке трусцой ослы: впереди серенький Йа, позади чёрненький Йо крохотными копытцами перебирают.

Пока мы их разглядывали, они уже пришли в лавку. Вот она на горке стоит, зелёный домик под красной крышей. Над распахнутыми дверями вывеска: «Торговля с утра до вечера».

Купил Ахмет соль, навьючил на ослов.

Не понравилось им это: и чёрненькому Йо и особенно серенькому Йа.

Пошли они домой: впереди чёрненький Йо шагает, головой покачивает: мол, иди, не унывай, скорее придёшь, скорее от вьюка освободишься. За Йо трусцой серенький Йа. Этот всё по сторонам поглядывает, как бы от вьюка избавиться, сбросить его. Но Ахмет идёт позади. Что делать Йа?

Шли они, шли и добрались до того места, где путь им преградила речушка. От берега до берега мосток переброшен, да ещё с перильцами.

Чёрненький Йо уже о мосток копытцем стукнул, как вдруг — Ахмет даже и оглянуться не успел — серенький Йа скакнул в сторону и в два прыжка залетел в воду.

Стоит Йа в прохладной воде, радуется.

— Йе-е-е! Йа-йа-йа! — кричит. «Вот, мол, как здорово я придумал!»

А Йо стоит на мосту, под солнцепёком, от нетерпения с ноги на ногу переступает.

— Довольно упрямиться, безобразничать! — говорят его передние копытца. — Вылезай-ка, серый, из воды! Чем скорее соль привезём, тем скорее дело сделаем!

— Эх, — сказали задние копытца, — лягнуть бы тебя как следует! Сразу бы дурь вышла, и побежал бы домой, как ветер!

Но упрямый Йа, нехороший Йа никого не слушал и стоял попрежнему в воде, прохлаждался.

Потянул Ахмет Йа за повод. А осел упёрся — с места его не сдвинешь.

Сколько ни бился Ахмет, упрямого Йа из воды вытянуть не мог.

И вдруг заметил Йа, что вьюк легче стал.

Переступил Йа ногами, покрепче упёрся, под водой плечами повёл. «Хорошо!»

А вьюк всё легче и легче делается.

Что такое?

Да это вода во вьюке соль размывает, в воде соль растворяется и тает.

Бедный Ахмет! Что делать?

Но что это? Что за чудо? Смотрите, Йа сам на берег вышел. Встал на жёлтом песочке и с удовольствием отряхнулся.

И увидал Ахмет, что вьюк Йа исчез. Вся соль, которую Йа вёз, растаяла: вымыло её водой из рогожного куля, — он и свесился по обе стороны спины хитрого Йа.

Что делать? Кричи не кричи, ругай не ругай — не вернуть назад соли!

Пошёл маленький караван домой. Впереди — Йа. На его морде так и написано: «Посмотрите, какой я умный, догадливый!»

За Йа тяжело шагает усталый Йо, а за ним бредёт печальный Ахмет: нечего сказать, привезли соль!

...Послали в другой раз Ахмета в лавку купить шёлковые одеяла. Взял Ахмет ослов-молодцов и отправился в путь.

Вот зелёный домик под красной крышей. Над распахнутыми дверями вывеска: «Торговля с утра до вечера». Мы уже были тут.

Купил Ахмет одеяла. Каждого цвета по две штуки взял. Навьючил их на ослов: сначала синие, потом зелёные, потом жёлтые, а выше пошли красные, голубые, оранжевые, коричневые, розовые, в горошек, а на самый верх — в клеточку.

И пустился маленький караван в обратный путь. Идут ослы, а за ними — Ахмет, помахивает прутиком, песенку мурлычет.

А на небе солнышко светит, припекает.

Подошли ослы к речушке, и...

...Не успел Ахмет оглянуться, а уж серенький Йа прыг в воду. Стоит, глаза сверкают, пасть оскалил — смеётся! «Мол, посмотрите, какой я ловкий, догадливый! Ещё немножко, самая малость — мой вьюк растает, и зашагаю я домой налегке».

Схватил Ахмет Йа за повод, тянет что есть мочи на берег, но Йа упирается, с места не сдвинешь.

А на мостике чёрненький Йо стоит, от нетерпения с ноги на ногу переступает.

— Довольно своевольничать! — готовы кричать его передние копытца.

— Эх, — сказали задние копытца, — лягнуть бы тебя как следует!..

Видит Ахмет — потемнели шёлковые одеяла, намокли, погружаются в воду:

и синее,
и зелёное,
и жёлтое,
и красное,
и голубое,
и оранжевое,
и коричневое,
и розовое,
и в горошек,
и даже в клеточку,—

все одеяла одно за другим уходят под воду... А над водой только морда Йа торчит.

Но что случилось с хитрым Йа?

Вы только посмотрите на него. Длинные уши он развесил в стороны, глаза полны страха. Куда девалась его весёлость!

Нет, не до смеха теперь Йа. Шёлковые одеяла намокли, набрали в себя воды, стали тяжёлыми и потянули серенького Йа ко дну. Испугался Йа и закричал:

— Йа-а-а! Йа-а-а! Йа-а-а!

Но это уже означало: «Спасите! Спасите! Спасите!»

Бедный глупый Йа! Сейчас он погибнет!

Но в это время Ахмет, храбрый Ахмет, прыгнул в воду. Он упёрся плечом в намокший вьюк и подтолкнул Йа.

— На берег, на берег! — закричал Ахмет, толкая струсившего ослёнка.

Рванулся Йа что было сил.

— Смелей! Смелей! — кричал Ахмет, и вот они понемногу стали вылезать из воды.

Все выше поднимались они, и вместе с ними выходили из воды одеяла. Но какие они стали некрасивые! Вы посмотрите: то, что было в клеточку, стало полосатым,
то, что было в горошек, — пятнистым,
розовое — коричневым,
коричневое — бурым,
оранжевое — малиновым,
голубое — сизым,
красное — лиловым,
жёлтое — пегим,
зелёное — синим
и даже синее—чёрным!.

И вот хитрый Йа вышел из воды на берег. Но какой же у него жалкий вид! Ноги трясутся от страха, а хвостик висит, как мочало. А из одеял течёт вода, из каждого в отдельности и из всей стопочки вместе.

Снова маленький караван отправился в путь, к дому. Впереди — Ахмет. Он весел: одеяла спасены, хитрый Йа наказан. За Ахметом бодро шагает умный чёрненький Йо. Не тяжело ему итти: на нём вьюк сухих, лёгких и красивых одеял.

Перебирает Йо маленькими ножками.

— Не хитри, — выстукивают его передние копытца. — Делаешь дело — делай, а не отдыхай!

— Эх, — сказали задние копытца, — лягнуть бы тебя хорошенько... Да стоит ли? Сам ты себе работы задал!

А вот серенький Йа плетётся. Ох, как трудно ему итти! Вьюк теперь тяжелее стал: весу в нём вдвое прибавилось.

Тащится Йа под мокрыми одеялами, и жарко и парко ему. Солнце печёт, и валит от хитрого Йа пар, как от самовара.

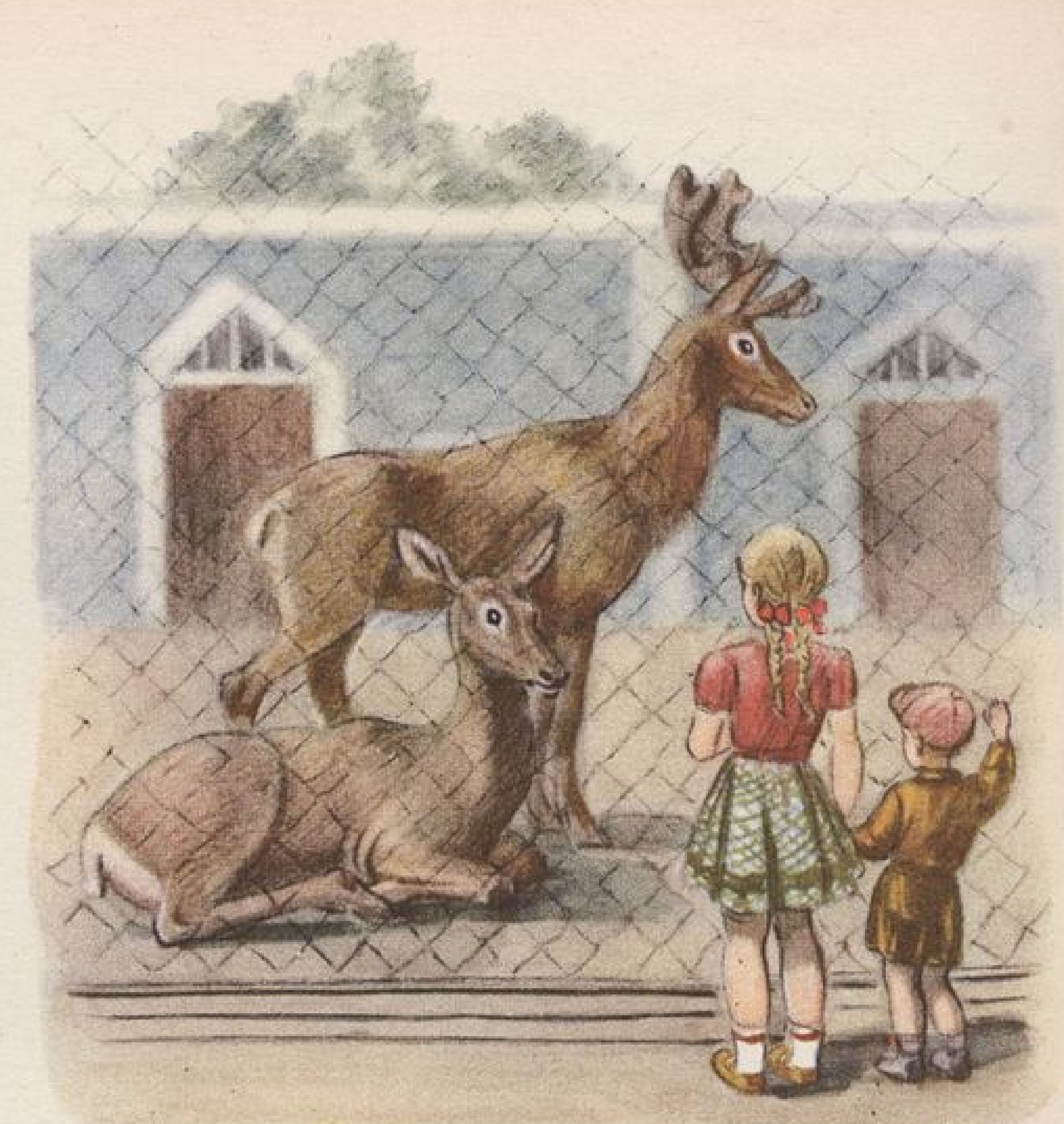
Стыдно, стыдно Йа. Ведь теперь все увидят, что он, глупый, хотел других обмануть, да обманул самого себя. Глядит он на чёрненького умного Йо, а тот со своим лёгким вьюком весело бежит по дороге, и красивые шёлковые одеяла так и сверкают на солнце:
и синее,
и зелёное,
и жёлтое,
и красное,
и голубое,
и оранжевое,
и коричневое,
и розовое,
и в горошек,
и даже в клеточку.

Идёт Йа и помалкивает, зато копытца его за него говорят, с каждым шагом выстукивают:

— Никогда, никогда не буду больше хитрить, от работы бежать и обманничать!..

Вит. БИАНКИ

Рис. М. КУКСА

В ЛЕНИНГРАДСКОМ ЗООПАРКЕ

КРАСА СИБИРСКИХ ГОР

Прекрасны сибирские горы. Прекрасны могучие кедры, цветы на горных еланях. Прекрасны изюбри — стройные олени сибирских гор.

Вот на еланку в кедраче вышла красавица олениха. С ней жёлтенький олешек на высоких ножках. Мать — вся внимание: осматривается робко, не затаился ли где враг — медведь, или волк, или рысь? Ушки-лопушки всё время в движении: не слышно ли страшного шума? Влажный нос ловит лёгкий ветерок: не прилетит ли струйка тревожного запаха?..

Чу!.. Уши заслышали шорох шагов! В кедраче замелькали люди!.. Олениха испуганно свистнула. Миг — и на цветущей еланке пусто, только белая салфеточка под хвостом у оленихи мигнула в кустах, а олешек будто сквозь землю провалился.

На елань вышли лесорубы — и остановились в недоумении: сейчас привиделся им тут изюбрь! Но какие тут в траве чудесные солнечные пятнышки! Постой, однако!.. Один лесоруб наклонился, что-то поднял, выпрямился, — на руках у него лежал пятнистый жёлтенький олешек!

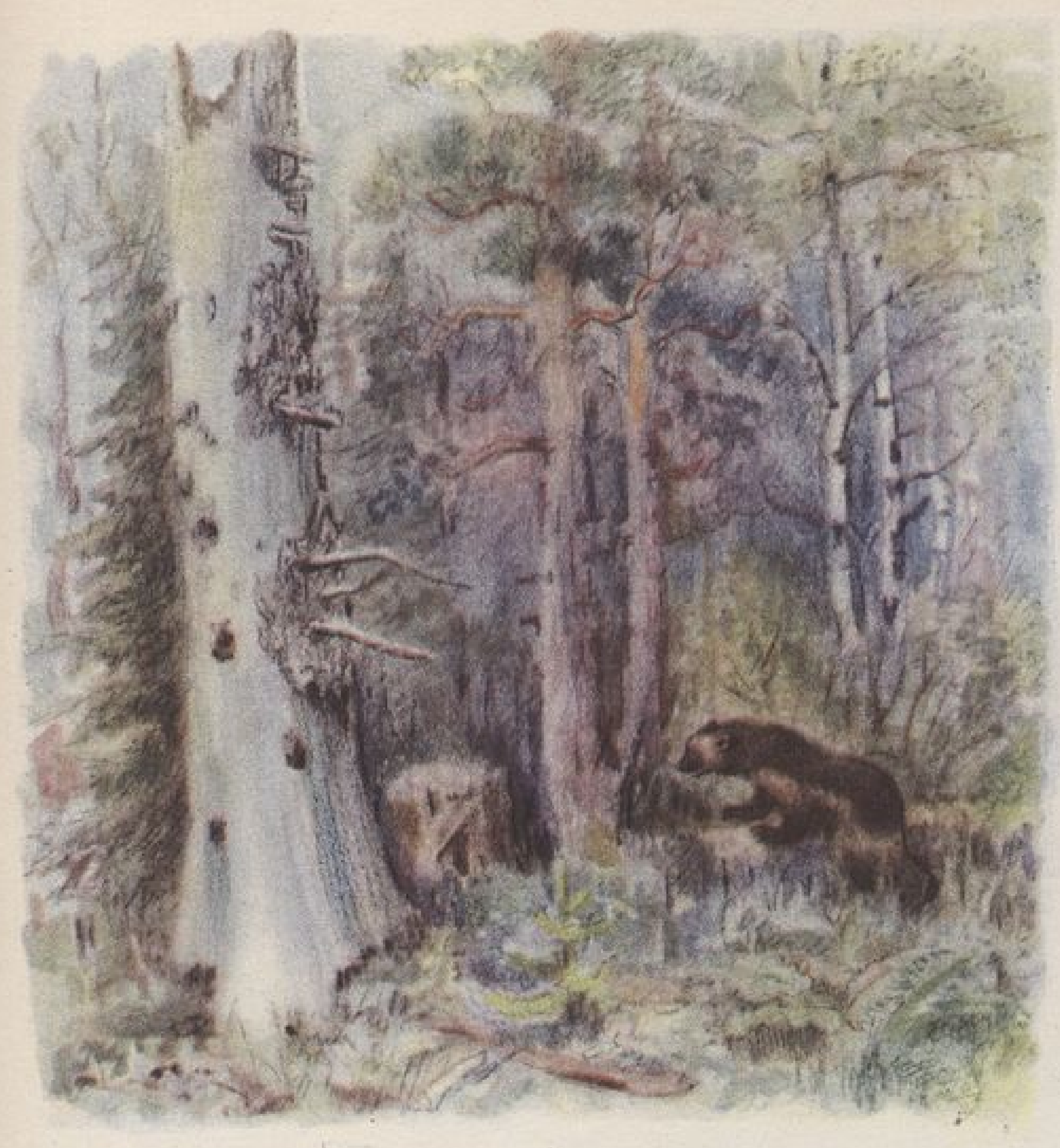
По первому сигналу матери он разом поджал ножки и замер в траве, прикрыв веками свои большие яркие глаза. Только случайно заметил его человек.

Лесорубы взяли олешка с собой. И всё время кто-то невидимый шёл за ними, скрываясь в кустах, и свистел дребезжащим голосом, и фыркал тревожно.

Дома лесорубы надели на олешка собачий ошейник и привязали в дровяном сарае. «Помрёт, однако, у нас», — беспокоились они, ложась спать: до утра им негде было взять молока, накормить малыша.

Спустилась ночь. Голодный олешек тонким голоском жалобно блеял в сарае. Вдруг из тайги в открытые двери беззвучно скользнула робкая тень: материнское сердце не выдержало, пересилило свой ужас перед людьми, и олениха прибежала покормить своего детёныша.

Накормив и приласкав его, она хотела опять скрыться в тайге, но не тут-то было: дверь из сарая была закрыта! Один из лесорубов видел, как скользнула она в сарай, подкрался тихонько и запер её там.

Долго металась олениха-мать и стонала от страха в неволе. Но в конце концов, увидев, что люди ни её, ни олешка не хотят убивать, привыкла и перестала бояться их.

Через месяц оленей увезли в зоосад.

Вот полюбуйтесь, какого красавца сына вырастила олениха.

ЛЕСНОЙ ВОРИШКА

Это случилось прошлой зимой у самой нашей границы в Карело-Финской республике.

Один охотник расставил в лесу ловушки-поставушки на дичь и пушных зверьков. Утром пошёл по своему путику, — у него были сделаны зарубки на деревьях, — и обнаружил, что ночью здесь побывал воришка: в первую же ловушку попался глухарь, но кто-то его вытащил, оставив на снегу только окровавленные перья. И дальше — где попал рябчик, или заяц, или белка, там охотнику остались только перья или клочья шерсти. И только в одной поставушке прожорливый вор оставил клок собственной шерсти. Такой длинной, грубой, бурочёрной шерсти нет ни у медведя, ни у волка, ни у рыси, ни у куницы. Охотник не знал, на кого и подумать.

Повадился неизвестный зверь грабить охотника — и сорвал ему весь зимний промысел: всю его добычу съел или перепортил, изорвал. Пришлось прекратить охоту.

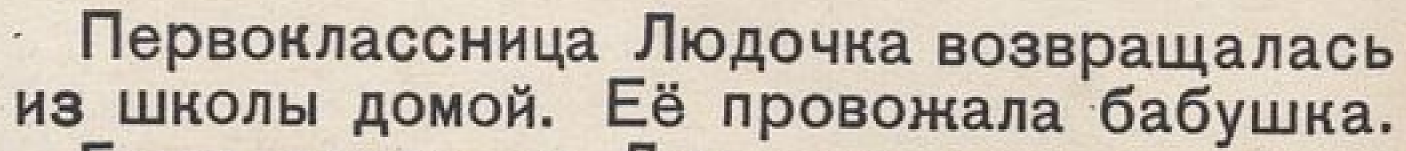
И вдруг в начале лета разнёсся слух, что пограничники убили какого-то неведомого зверя. Охотник поспешил на заставу. Там он увидал шкуру с точно такой же шерстью, какую оставил в его ловушке вор. Пограничники рассказали, что зверь был застрелен в глухом лесу, на поваленном дереве, а из ямы под этим деревом вылезли два малых зверёныша-сосунка. Их взяли на заставу и стали кормить из бутылочки с соской. А что это за звери — никто и не знает.

Охотник отвёз зверят в Ленинградский зоосад и тут, наконец, узнал, что это очень редкий у нас теперь хищник — росомаха. Она приходится немного сродни и кунице и медведю. Живёт грабежом: отнимает добычу у других зверей, грабит ловушки охотников и сама нападает на северных оленей, прыгая им на спину из засады — с ветки дерева. Подраненный, этот неуклюжий только с виду, сильный зверь опасен даже человеку.

Теперь маленькие росомахи выросли. В зоосаде их сытно кормят, и лесные воришки превратились в игривых, добрых зверей.

ПРО ЛЮДОЧКУ

В. КАРАСЁВА *Рис. Т. ЕРЁМИНОЙ*

Первоклассница Людочка возвращалась из школы домой. Её провожала бабушка.

Было тепло, и Людочка шла в одном платье и размахивала руками. А бабушка несла в одной руке Людочкино пальто и калоши, а в другой — сумку с книжками и кошёлку с продуктами.

По дороге они встретили пионерку Наташу. Наташа поздоровалась и спрашивает:

— Что это, Людочка, бабушка тебя на руки не возьмёт?

— Да что я, маленькая, что ли? — обиделась Людочка.

— Нет, ты не маленькая, но ты очень бережёшь свои ручки. Так почему бы тебе не поберечь и ножки? — сказала Наташа.

ПРО ТАНЮ И ПРО МАРИНКУ

Маринка пришла в гости к Тане.

— Давай играть! Мне тётя на именины новую куклу подарила,— сказала Таня и показала подружке красивую, румяную куклу.

На большом сундуке они устроили кукле комнату, приготовили обед, посуду помыли. Очень весело поиграли.

Пора Маринке домой собираться, да тут у неё варежки за сундук упали. Полезла она их достать и видит: за сундуком ещё что-то лежит. Потянула, смотрит, а это Танин плюшевый мишка. Весь измялся, правая лапка оторвалась и болтается на одной ниточке.

— Как тебе не совестно! Смотри, где у тебя валяются дети, — пристыдила Маринка Таню и стала одеваться.

А Таня отвечает:

— Это я его нарочно туда засунула. Он старый, и мне надоел. Дай-ка я тебе пуговицы на пальто застегну, а то тебе самой трудно,— предлагает она Маринке.

Помогла Таня Маринке пальто застегнуть, платок завязать и просит её:

— Ты приходи почаще!

А Маринка качает головой.

— Боюсь, — говорит Маринка.— Вдруг у тебя новая подруга заведётся, и ты меня тоже за сундук забросишь...

Рис. А. ЗАМЫШЛЯЕВОЙ

АППЛИКАЦИИ

Начните работу с самого простого из рисунков на этой странице — с веточки вишни.

Вырежьте из лоскутков цветной материи ягоды и листья, затем положите их на материю, которая служит фоном. Примечите и обшейте контуры шнурочком, гладью или петельным швом.

Тонкие веточки на рисунке можно сделать обыкновенной вышивкой — стежками из цветных ниток.

Зайчика, собачку и грибы лучше увеличить в два-три раза, чтобы легче было вышивать.

На обложке — рисунок А. Ермолаева

Художественный редактор О. Камкин Тел. Д 1-15-00, доб. 1-06. *Технический редактор А. Бодров*

Год издания тридцать первый **Цена 1 руб.** Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

А00397 Подписано к печати 3/V 1955 г. Бумага 60×92¹/₈=1,5 бум. л.=3 печ. л. Уч.-изд. л. 2,8 Тираж 650 000 экз. Заказ 840

Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-55, Сущёвская ул., 21.

